

Виктор Киселёв. Верность делу, дому, семье

В преддверии юбилея художника мы встретились с его дочерью Натальей Корчевой-Киселёвой, чтобы послушать её рассказ об отце, уроженце села Комаровка Майнского района Ульяновской области.

Автопортрет.
1945 г. Б., кар. 31x21,8

А. Пластов. Виктор Киселёв (профиль)
ср. 20-х гг. (1925), Б., кар. 29,1x21.
Собр. Архангельского

12 июля этого года исполнилось 115 лет со дня рождения Виктора Васильевича Киселёва, заслуженного художника России, лауреата Государственной премии им. И. Репина, близкого друга академика Аркадия Пластова. Имя Виктора Киселёва навсегда вписано в историю советской живописи. Когда в марте 1978 года в Москве открылась персональная выставка художника, в программе «Время» Всесоюзного телевидения вышел сюжет об этом событии, и имя нашего земляка прозвучало на всю страну. Из разных городов и республик летели поздравительные письма и телеграммы в адрес Киселёва, но особенно дорого ему было приветствие правления Ульяновского отделения Союза художников, подписанное Аркадием Егуткиным, Борисом Худяковым и другими земляками. В приветствии говорилось: «Свой полувековой творческий труд Вы посвятили благородной теме «Человек и Земля», воспевая силой своего таланта жизнь труженика и красоту родного края. Давняя дружба и постоянное чувство локтя с А.А. Пластовым оказали благотворное влияние на Ваше творчество. Та же одержимость и правдивость, трудолюбие и верность любимому делу, приверженность реализму отличает Ваше творчество. Постоянный участник самых представительных выставок, Вы известны многочисленным зрителям. Ваши лучшие работы во многих музеях страны радуют души людей, Вы по праву входите в главную плеяду деятелей культуры и составляете гордость Ульяновской земли...»

Виктора Васильевича в Москве была мастерская, он часто подолгу там жил и работал, но его всегда тянуло домой, в родную Комаровку. Бывало, придет – и сразу же снимает костюм-галстук: «Всё, я дома! Здесь я свободен!» Его стихия – лес, поле, река, чистый, деревенский воздух, сельский быт.

Долгое время жили скудно. Себе папа не покупал ничего, а детям – всё. После войны несколько лет ходил в гимнастерке. Мама просит: «Отец, купи себе одежду». Он отмалчивается. Как-то в Москве я уговорила его зайти в универмаг, купить шапку – у него не было. Папа мерит одну, другую. Вот эта вроде подошла. Я иду в кассу платить – он останавливает. Так и ушли без шапки. Зато на книги денег не жалел – покупал, в основном классику. И нас заставлял читать. Увидит у меня глупую книжку, ругает: «Наташка, не то читаешь». А когда принесла из библиотеки «Тараса Бульбу», он обрадовался.

Да, было безденежье: работа разовая. Продалась картина – деньги есть. А дома расходы: зерно купить, корм скотине. Неизвестно, когда появятся деньги. Папа часто говорил: молитесь, чтобы картина моя прошла отбор. Я как-то раз спросила, было ли такое, когда какая-нибудь его работа не проходила на выставку. Он отвечает: «Да нет, ни разу». Отбор был строгий, придирались ко всему, особенно к бытовым мелочам. Пластов, помню, смеялся, рассказывая о картине «Ужин трактористов». Придралась комиссия: почему такой скудный ужин – хлеб да молоко? Где мясо? Аркадий Александрович отвечает: «Мясо уже

— **они в кустах** косточки валя-
ются. А какое мясо у колхозников ле-
тит? Скотину летом никто не заби-
вал, холодильников не было.

Пластов **был** дотошный, выписы-
вал каждую **мелочь**. Помните извест-
ную картину «Поддень»? Мало кто за-
мечает в воде лягушку. Папа сразу же
находит **в работах** Аркадия Алексан-
дровича **то бабочку, то лягушку, то**
комарика **и восторгался**: «Тут жизнь
был ключом!»

Когда Аркадий Александрович
приезжал в Комаровку, сидели за
чаем на **террасе**. С улицы всё слыши-
ли, поэтому говорили осторожно, а
потом **они с отцом** уединялись на-
долго **в мастерской** и там уже отво-
щили **дому**. Расставаясь у леса, они
ещё не **долго** не могли наговорить-
ся. Бывало, кто-то из жителей спро-
сит: «О чём это Аркадий Александро-
вич с Виктором Васильевичем часами
беседуют?»

Времена были такие, что душу
спасешь **не** каждому, а Пластов и
Васильев **во** всём доверяли друг дру-
гу. Да **и взгляды** на жизнь, на искус-
ство, политику у них всегда совпада-
ли. Папа **говорил**: «Мы с Пластовым —
одна **от** сохи, единомышленники». Оба
любили деревню, переживали
за её будущее.

И оба не любили пьяниц, рас-
стривались, когда сталкивались с та-
кой бедой: какой из крестьянина хо-
зюшка, **когда он в стакан** глядит! Из-
за этого папа не любил деревенские
свадьбы. Придёт, поздравит, а сам не
пьёт. Винопитие его отталкивало.

В селе стоял деревянный храм
Сергия Радонежского. Сергиев день в
селе всегда почитался. В 1929
году **папа с мамой** венчались в этом
храме — тайно, ночью. В 1961 году
храм **был** разрушен. Всё село собра-
лось **у** церкви. Старушки плакали,
молились. Я тоже стояла. Подцепи-
ли трос, тросом сняли кресты, потом
в колокольню. Один крест припрята-
ли у себя баба Настя — она верующая
была. Папа очень страдал: «Что дела-
ют, что делают!» Он чтит все право-
славные праздники. На Пасху пред-
почитал быть дома, в Комаровке. А
когда **приезжал** в Москву, обязательно
шёл **в храм**. Помню, на Благовеще-
ние я была в Москве, и мы вместе по-
ехали на праздничную службу в Ело-
вский Богоявленский собор — там
служил патриарх. Папа преду-
предил меня: «Народу будет много,

Наташа. 1984 г. К., м. 70x50,5

Владислав. 1970-е гг. Х., м. 70x53

держи руки у груди». Действительно,
людей на службе было очень много.
Туда, я знаю, ходили и другие худож-
ники. За ними обычно следили люди
с Лубянки, поэтому приходилось на-
резать круги, пробираться с оглядкой.

Как-то папа купил приёмник и
накануне Пасхи позвал нас с мамой
в подвал — слушать праздничную ли-
тургию. Всю службу прослушать не
удалось — трансляцию глушили. Он
огорчился: «Лишили нас возможно-
сти молиться».

Очень верующей женщиной бы-
ла супруга Пластова — Наталья Алек-
сеевна. Семь раз он к ней сватался —
она не могла решиться, а в итоге бла-
годаря духовному родству сложилась
прекрасная семья. Наталья Алексеев-
на — женщина необыкновенная: доб-
рая, чуткая, терпеливая. Когда зи-
мой Пластов и Киселев уезжали в Мо-
скву, она приезжала к нам погостить

дня на три — её тянуло к нашей маме,
они подолгу беседовали. Меня всегда
это удивляло: Наталья Алексеевна —
высоко образованная, с дворянскими
корнями, а мама — простая крестьян-
ка. Но, видимо, их объединяли об-
щие интересы, семейные и духовные
ценности.

Когда хоронили Пластова, Ната-
лья Алексеевна сидела у гроба — спо-
койная, одухотворённая. Не рыдала,
не причитала, как принято в деревне, —
держалась очень достойно, как истинно
верующая женщина.

Прошли годы, она уже тяжело бо-
лела, я приехала к Пластовым в гости.
Наталье Алексеевне помогли сесть за
стол. Я смотрела на её просветлённое
лицо и не смогла сдержать слёз: это
был ангельский лик.

Очень многое в папином харак-
тере было заложено природой, но
влияние Пластова бесспорно. В годы
ученичества Виктор Васильевич впи-
тывал не только секреты мастерства
гениального художника, но и художе-
ственные, и житейские принципы, и
культуру быта. Пластовы повлияли на
всю нашу семью.

Зелёных насаждений в деревне
было очень мало, палисадники огоро-
жены не у всех, и там — разве что бер-
ёзки. Это и понятно: люди жили бед-
но. Чтобы прокормить скотину, нуж-
но прежде всего вырастить картош-
ку, полбу, просо. А папе очень хоте-
лось благоустроить, озеленить село.
Он любил цветы, знал все названия и
нас, детей, учил. В доме была толстая
книга «Цветоводство», папа её изу-
чал. Из Москвы привозил семена са-
довых цветов. В палисаднике поса-
дил сирень, астры, львиный зев, аню-
тины глазки, георгины. Вьюнки око-
ло дома. Очень ему хотелось развести
плодовые деревья: яблони, вишни,
сливы — это была редкость в деревне.
Ох, сколько сил мы тратили, таская
воду! Запруду делали после обильно-
го дождя, чтобы направить в усадь-
бу воду. При папе начали плодоно-
сить яблони, а когда его не стало, сад
разросся.

Виктор Васильевич был сердо-
больный человек. Любил людей, пер-
вый приходил на помощь. Всех ему
было жалко. Есть у него портрет Фё-
дора Кушманцева. Жена у Фёдора
умерла, а дочь Нина — моя ровесница.
Они далековато жили, но папа сказал:
«Ты дружи с Ниной — она маму поте-
ряла. И делись с ней».

Одиночество. 1956 г. Х., м. 120x80

• Портрет отца в ушанке. 1964 г. К., м. 69x49,5

Но вот другой пример. Была зима. Виктор Васильевич ехал из Майны, подвёз односельчанку – она возвращалась домой из больницы. Папе стало её жалко, он подарил шоколадку. А потом узнал, что она ехала с аборта. Как он горевал!

Всех дочерей он любил и заболел о нас. Расстраивался и даже гневался, когда мы болели. Однажды я заболела воспалением легких: купалась в жару. У нас вода в речке родниковая, холодная. Года два он не разрешал мне купаться.

Был очень требовательным. В Москве как-то я уехала в универмаг «Москва» за покупками и задержалась, а надо было уезжать в Ульяновск. Папа меня ждёт, волнуется – меня нет. Вернулась я – он обижен, злится. Такси не вызвали – поехали на метро с тяжёлыми сумками. Села я в поезд, а папа смурной, на взводе. И вдруг исчез. Вернулся с букетиком, у него слёзы в глазах. Я была расстроена. Через несколько дней мама получила от него письмо: «Была Наташка. С ней суеты много, но вот доедаю её суп и так мне приятно! Вспоминаю тепло её рук...»

• Уборка хлебов. 1965 г. Х., м. 50x70

Всем детям и маме приходилось быть натурщицами. Тяжёлое это дело. Хочется гулять, бегать, а надо часами стоять в определенной позе. То зелёное платье надень, то красное, то не так сидишь. А я устану и назло возьму да поменяю позу. Писал папа картину на «Колхозной ферме». Пришлось стоять с ведром, а оно не пустое, наполненное: надо, чтобы напряжение мышц было видно. В картине «Вернулся» девочка обнимает пришедшего с фронта отца. Позировали дядя Володя, папин брат, и сестра Тамара. У неё руки затекали на весу – она всю жизнь это помнила.

Главная натурщица – мама. У неё полно по хозяйству, но она против никогда не скажет. Отца поддерживала и понимала. Её душа в душу. Не могли на-...
Однажды папа мне при-...
Ты знаешь, какая у нас мать? ...
...я бы, может, не смог ...

...дому очень скучал. «Не чаю ...
...домой приехать!» – в каждом ...
...был предан и детям, и жене, ...
...родителям.

...папа не признавал деликатесов, ...
...считал самую простую еду. Лю- ...
...картошечку и молоко холоднень- ...
...с погребца. Вечером, бывало, ...
...маму: «Свари картошечку».

• Старший сержант.
1944 г. Х., м. 40x32

• В сельском магазине. 1957 г. Х., м. 150x176

Она сердится: «Да ведь поужинали уже, спать пора». Потом, когда его не стало, жалела: «Просил картошечку, а я отказала».

Незадолго до папиной смерти Николай Аркадьевич привёз ему книгу о Врубеле. Виктор Васильевич уже не вставал, не в силах был читать – я ему читала вслух, а он живо комментировал. Попросил меня найти книгу

о Ван Гогe. Любил всё подлинное. Нестерова, Сурикова, Врубеля, Кончаловского, Репина, Левитана. Ценил импрессионистов. Обожал Серова. Не понимал, как можно писать с фотографий – ему важно было художественное обобщение, смысловая наполненность. Главным мерил мастерства и подлинности в искусстве для него был Аркадий Александрович Пластов.

Фронтные дороги позволили отцу познакомиться с европейским искусством. Позже он бывал на выставках современного зарубежного искусства, при этом говорил: «Наша школа гораздо сильнее».

В чём сила художника? Думаю, в единении с землей, с людьми. Папа остался верен теме деревни, верен семье, Родине. Народный художник Василий Кириллович Нечитайло так о нём говорил: «Виктор Васильевич связан глубокими корнями с самой жизнью. В его холстах – сама жизнь». Другой народный художник СССР Алексей Михайлович Грицай на открытии персональной выставки Киселёва в Москве сказал: «Вот я осмотрел выставку и понял, что встретился с маленьким кусочком моей большой Родины... Пахнуло и свежестью, и подлинностью чувств, а ещё – совсем забытым понятием – правдой. Без правды не может быть искусства».

Записала **Ольга Шейпак**

• Школьники. 1975 г. Х., м. 179x240

